

позднее включена в издание «Collections des théâtres français». ⁵

Библейский сюжет, который Кенъе положил в основу пьесы, записан в Третьей книге Царств (III. 16—28).

В Библии сказано, что к Соломону пришли две блудницы с просьбой рассудить их. Они жили в одном доме и почти одновременно родили по ребенку. Ночью сын одной из женщин умер, ибо она «заспала» его. Тогда она положила своего мертвого младенца к груди другой женщины, а живого взяла себе. Утром, увидев возле себя мертвого младенца и взглядевшись в него, эта женщина обнаружила подмену «И сказала другая женщина: нет, мой сын живой, а твой сын мертвый. А та говорила ей: нет, твой сын мертвый, а мой живой. И говорили они так пред царем. И сказал царь: Эта говорит: „Мой сын живой, а твой сын мертвый“, а та говорит: „Нет, твой сын мертвый, а мой сын живой“. И сказал царь: „Подайте мне меч“. И принесли меч к царю. И сказал царь: „Рассеките живое дитя надвое, и отдайте половину одной, и половину другой“. И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: „О, господин мой! Отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его“. А другая говорила: „Пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите“. И отвечал царь и сказал: „Отдайте этой живое дитя и не умерщвляйте его; она его мать”»

В библейском рассказе изображен суд в его древнейшей форме. ⁶ Соломон рассматривает не преступление — кражу ребенка, а словесный поединок между женщинами. Целью суда является установление истины, а не наказание виновной, ибо судьей в библейском смысле подобает быть только Богу (I Книга Царств. 2.10). В Библии этот сюжет является доказательством мудрости Соломона, его права вершить суд над людьми от имени Бога. Рассказ завершается словами: «И услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь; и стали бояться царя, ибо увидели, что мудрость Божия в нем, чтобы производить суд».

За испытанием, которому Соломон подвергает женщин, угадывается долгий исторический путь развития человечества от обряда принесения ребенка в жертву до появления табу на этот обряд. ⁷ Древние корни имеет и образ блудницы. На стадии формирования образов герой наделялся профессией, связанной с той стихией, которую он олицетворял. Мать — метафора богини плодородия — в фольклоре и литературе в ре-

⁵ Collection des Théâtres français Mélodrames — V Tome 5 Seulis, Tremblay, Imprimeur de S a R M G R le duc de Bourbon 1829 P 1—66

⁶ Фрейденберг О Поэтика сюжета и жанра Л, 1936 С 97

⁷ Данилевский Р Ю «Eines Kindes blut'ger Mord» (Заметки к теме) // Res slavica Festschrift für H Rothe Zurich, 1994 S 17—24